

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ РАСТРАТЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: По поводу содержания понятия «растрата» в теории уголовного права нет существенных разногласий. Большинство авторов справедливо полагают, что растрата заключается в незаконном отчуждении с корыстной целью вверенного имущества.

Аннотация: Кылмыш укугунун теориясында «сарп кылуу» тушунугунун мааниси боюнча ар кандай олутту пикир келишпестиктер жок. Көпчүлүк авторлор сарп кылууну калыстыкта мындайча божомолдошот - керт башынын кызыкчылыгы учун максаттуу турдө мулкту өзунун карамагына укуксуз алып коюусунда экендигин.

Annotation: About the concept of "embezzlement" in the theory of criminal law there are no significant differences. Most authors rightly believe that embezzlement is the illegal alienation of an asset to grind entrusted property.

Ключевые слова: Растрата, имущество, хищение, потребляемое статическое имущество, материальные ценности.

Негизги сөздөр: Сарп кылуу, мулк, уурдоо, статтык мулкту керектөө, материалдык баалуулук.

Keywords: Embezzlement, property theft consumed static property, tangible assets.

Определяя объективную сторону растраты, почти все авторы характеризуют ее через перечисление конкретных способов отчуждения: продажа, потребление, дарение, издержание, израсходование, расходование, обмен и т.п.[1]

Растрата имеет много общего с присвоением, поэтому все сказанное о вверении имущества в случаях присвоения непосредственно относится и к растрате. Общим для этих форм является и то, что они мыслятся и осуществляются виновным как некий хозяйственный акт утилитарного распоряжения вещью, лишаящий потерпевшего этой вещи навсегда. Однако способы, при посредстве которого решается эта задача, все же остаются разными. Если растрата реализуется посредством действий, нарушающих субстанцию похищенной вещи, т. е. путем ее потребления, расходования либо посредством ее отчуждения (продажи и т. п.), то присвоение предполагает держание ее за собой, внесение в состав своего имущества или имущества другого лица и увеличение тем самым его имущественной массы.

Понятие растраты содержалось в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1973 г. N 13 «О ходе выполнения постановления

Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 года «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»[2].

Судебная практика исходит из того, что растрата - это передача имущества другому лицу с целью обращения его в пользу последнего. При растрате неважно, в какой форме осуществлялась передача (продажа, дарение, обмен). Главное, что имущество с корыстной целью безвозвратно передается другим лицам, на что направлен и умысел виновного. Думается, термин «передача» по своему содержанию более объемное понятие по сравнению с перечисленными выше способами отчуждения имущества (им не охватывается лишь потребление).

С таким расширительным толкованием растраты не согласен С.М. Кочои. Он считает, что при растрате чужое имущество израсходуется на личные нужды виновного, поэтому передачу чужого имущества или его отчуждение лицом, которому оно вверено, нельзя считать растратой.

Если растратой считать издержание (израсходование) вверенного имущества, как полагает С.М. Кочои, только на личные нужды виновного, то её невозможно будет отграничить от присвоения статического имущества, когда вверенное имущество (например, стройматериалы) вывозится виновным с охраняемой территории к себе на дачу (домой), там складывается, а через год начинает расходоваться на личные нужды - строительство дома (дачи, гаража и т.п.), которое продлится несколько лет. Какое преступление совершается в этом случае и когда оно будет считаться оконченным? Присвоение с момента вывоза имущества за пределы охраняемой территории (по такому пути идет судебная практика и считает большинство ученых) или приготовление (покушение) на растрату[3].

Вопрос о понятии присвоения и растраты, их разграничении является одним из самых сложных в теории и практике.

Одни полагают, что «растрата... является продолжением хищения, совершенного путем присвоения», что «действия, образующие растрату, по существу представляют способ распоряжения уже похищенным имуществом»[4].

По мнению других, отличие присвоения от растраты в том, что «при присвоении виновный, обратив имущество в свою пользу, сохраняет его у себя, т.е. ...удерживает его, тогда как при растрате он не только удерживает, но и расходует (издерживает) ценности»[5].

При растрате в отличие от присвоения, - уточняют третьи, - между правомерным владением и незаконным распоряжением имуществом отсутствует какой-либо промежуток времени, в течение которого виновный незаконно владеет этим имуществом.

Таким образом, мы подошли к вопросу о разграничении присвоения и растраты. По нему в юридической литературе также отсутствует единое мнение.

С.М. Кочои считает, что «при растрате чужое имущество без законных на то оснований израсходуется на личные нужды виновного, а при присвоении, также без законных оснований, оно выдается виновным за

свое»[6]. Поэтому отличие между присвоением и растратой, по его мнению, следует проводить по характеру действий виновного, а не по нахождению или ненахождению имущества у виновного в момент окончания хищения[7].

Действующий УК КР не дает оснований для вывода о том, что растрата является последствием присвоения (в диспозиции ч.1 ст.171 между присвоением и растратой использован союз «или»).

Нам представляется, что обоснованно подвергаются критике те авторы, которые так или иначе связывают растрату с присвоением. Применительно к действующему УК КР следует согласиться с суждением, что «растрата как самостоятельная форма хищения ничем не связана с присвоением и не является последующим этапом преступной деятельности виновного. Если согласиться, что растрата - неизбежный последующий акт после присвоения имущества, то логически надо бы признать, что хищение имеет два момента окончания: один - свойственный присвоению, а второй - растрате. Но ошибочность такого предположения более чем очевидна, т.к. одно и то же хищение не может иметь два момента окончания. Одни и те же материальные ценности нельзя и присвоить, и растратить. Если налицо присвоение, то исключается растрата как самостоятельный состав преступления и наоборот».

По мнению Ю.И. Ляпунова, «растрата отличается от присвоения, которое всегда предполагает незаконное фактическое владение похищенным в течение определенного периода времени. Растрата как действие не связана с установлением незаконного владения теми материальными ценностями, которые виновным еще не отчуждены»[8].

Нам думается, что последнее суждение не отражает всей специфики рассматриваемых форм хищения, поскольку в реальной жизни, возможно, такое фактическое неправомерное владение имуществом в течение некоторого периода времени, которое нельзя признать присвоением.

Так, виновный по предварительному сговору с другим лицом изымает имущество из места его нахождения и перемещает в другое место, но в пределах территории нахождения имущества (предприятия, учреждения, организации и т.д.), чтобы через определенное время передать это имущество соучастнику. Таким образом, виновным осуществляется неправомерное владение имуществом в течение какого-то периода времени. Однако говорить о присвоении (приготовлении к нему) в данном случае нельзя, поскольку умысел субъекта хищения направлен на передачу имущества другому лицу в пользу последнего. Думается, здесь логичнее вести речь о приготовлении к растрате. Следовательно, наличие неправомерного владения имуществом или отсутствие такового со стороны виновного не исчерпывает всех отличительных черт присвоения от растраты.

Тропин А.С. считает, что при присвоении виновный, во-первых, незаконно завладевает чужим имуществом, а во-вторых, сохраняет возможность распоряжаться или пользоваться им как своим собственным, тогда как при растрате он сразу же реализует эту возможность, распоряжаясь или пользуясь чужим имуществом как своим собственным[9].

Как уже отмечалось, для определения критерия отграничения присвоения от растраты необходимо учитывать, что имущество, вверенное виновному, может быть статическим и динамическим. Поэтому нельзя механически подходить к решению вопроса о формах хищения статического имущества, ибо указание лишь на наличие неправомерного владения имуществом, как основной критерий разграничения присвоения от растраты, является недостаточным.

Если руководствоваться ныне действующим законодательством, относящим присвоение и растрату к различным формам хищения, то, решая вопрос о том, имеется ли в действиях виновного присвоение или растрата, мы должны исходить из следующего.

Если имеется реальная возможность пользоваться или распоряжаться статическим имуществом как своим собственным, то решающее значение для определения формы хищения приобретает момент (время) замены правомерного владения имуществом неправомерным. То есть, если в момент появления такой возможности над имуществом установлено неправомерное владение виновного лица, то, независимо от направленности его умысла (продать, подарить и т.д.), хищение нужно считать совершенным в форме присвоения. Если же при появлении такой возможности имуществом владеет не виновное, а другое лицо, то будет растрата.

Например, если заведующий складом, находящимся на охраняемой территории (заводе), незаконно вывозит вверенные ему ценности за пределы завода, то, несмотря на его желание продать это имущество другому лицу, будет окончено хищение с момента перемещения имущества за пределы охраняемой территории в форме присвоения, а не приготовление к растрате. Если же заведующий складом передает вверенное имущество на охраняемой территории другому лицу, и последний вывозит его за пределы завода, то хищение будет окончено с момента перемещения имущества за пределы охраняемой территории, но в форме растраты.

При отсутствии реальной возможности пользоваться или распоряжаться статическим имуществом (например, имущество находится на территории предприятия), то есть при неоконченном хищении, решающее значение для определения формы хищения приобретает направленность умысла виновного, а не фактическое неправомерное владение имуществом. Если в таком случае умысел направлен на завладение имуществом для удовлетворения своих личных интересов, то формой такого хищения (приготовления, покушения) будет присвоение. При направленности умысла на передачу имущества другим лицам данное преступление следует квалифицировать как приготовление (покушение) к растрате, независимо от фактического неправомерного владения имуществом со стороны виновного.

При хищении динамического имущества характерным является то, что у виновного лица всегда имеется потенциальная возможность пользоваться или распоряжаться таким имуществом как своим собственным. По этой причине форма хищения при таких обстоятельствах определяется с учетом того, кто заменил правомерное владение имуществом неправомерным. Если

в такой ситуации имуществом завладело виновное лицо, сменив правомерное владение неправомерным, то налицо присвоение. Если же имуществом неправомерно завладевает другое лицо, непосредственно заменившее правомерное владение со стороны виновного своим неправомерным владением в результате передачи ему имущества самим виновным, то будет растрата.

При более тщательном анализе особенностей статического имущества можно прийти к выводу о том, что все материальные ценности, находящиеся на охраняемой территории, в зависимости от их потребительских свойств (качеств), можно подразделить на два вида (группы, категории):

1) имущество, потребительские свойства (качества) которого можно полностью использовать в личных интересах виновного (других лиц) в пределах охраняемой территории. Чаще всего это происходит путем их уничтожения (потребления), например, продукты питания, парфюмерные изделия, одежда, обувь и т.д. (условно назовем этот вид имущества «потребляемое»);

2) имущество, потребительские свойства (качества) которого невозможно полностью использовать в личных интересах виновного (других лиц) на охраняемой территории («непотребляемое» - стройматериалы, различные виды техники и т.д.).

В такой ситуации у виновного имеется потенциальная возможность распоряжаться или пользоваться вверенными материальными ценностями как своими собственными. Это обстоятельство приближает потребляемое статическое имущество к динамическому.

Однако в отличие от хищения динамического имущества для признания хищения потребляемого статического имущества окончательным преступлением, недостаточно только наличия умысла на его хищение и замены правомерного владения неправомерным со стороны виновного лица. Необходимы конкретные действия, направленные на использование потребительских (полезных) свойств (качеств) вверенного имущества виновным в личных интересах или передачу (продажу, дарения) его другим лицам.

При хищении потребляемого статического имущества на практике могут встречаться различные комбинации объективной и субъективной сторон. Рассмотрим наиболее типичные из них.

Может возникнуть и такая ситуация, когда виновный продает вверенные материальные ценности на охраняемой территории другому лицу, заранее достоверно не зная о дальнейшей их судьбе (неопределенный умысел): потребление на территории или перемещение за ее пределы. В данном случае, думается, окончательная растрата будет с момента передачи виновным вверенного ему имущества другому лицу, даже если затем это имущество будет вывезено последним за пределы охраняемой территории. При таких обстоятельствах виновное лицо, зная о потребительских свойствах имущества, могло, и должно было осознавать и предвидеть, что имущество может быть потреблено (использовано) сразу же после его передачи прямо на

охраняемой территории. Иными словами, виновный сознает, что другое лицо получает реальную возможность пользоваться или распоряжаться имуществом как своим собственным (продавать, обменивать, потреблять).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что окончением хищения потребляемого статического имущества при присвоении следует считать с момента использования его виновным в личных целях (ношение обуви, одежды, использование парфюмерных изделий и т.д.). Первоначальный акт использования имущества виновным одновременно является и моментом окончания присвоения. При наличии же только умысла на присвоение, но при отсутствии акта использования вверенного имущества, даже если это имущество было обособлено от основной товарной массы, думается, нельзя говорить об окончении хищения.

Растрата потребляемого статического имущества будет оконченой:

- 1) в момент потребления имущества виновным лицом в соучастии с другими лицами (например, продуктов питания);
- 2) в момент передачи (продажи, обмена, дарения) имущества виновным другому лицу целью вывоза, выноса (иного перемещения) вверенного имущества из места его нахождения (склада, хранилища, иного помещения) при отсутствии сговора между виновным и другим лицом о вывозе имущества за пределы охраняемой территории; либо
- 3) в момент вывоза (иного передвижения) имущества с территории охраняемого объекта с целью использования за ее пределами по сговору между виновным и другим лицом.

Иначе следует определять момент окончания хищения (в форме растраты) статического имущества второго вида (непотребляемого). Поскольку виновный сознает, что другое лицо, которому передано вверенное имущество, не имеет реальной возможности пользоваться и распоряжаться этим имуществом как своим собственным в пределах охраняемой территории, постольку и окончением хищения (в форме растраты) в данном случае необходимо признавать с момента вывоза (выноса, иного перемещения) материальных ценностей с охраняемой территории.

При хищении такого имущества может возникнуть своеобразная ситуация. Виновное лицо передает вверенное имущество другому лицу на охраняемой территории, получает за это вознаграждение, то есть выполняет по существу все действия, направленные на изъятие вверенного имущества в корыстных целях. Состав хищения (растраты) в действиях виновного наличен. Однако, по общему правилу, пока материальные ценности не будут вывезены другим лицом с охраняемой территории, хищение не может быть признано оконченом.

Таким образом, окончением хищения непотребляемого статического имущества нужно считать с момента вывоза (выноса) имущества за пределы охраняемой территории, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества».

Общепризнанно, что форма хищения определяется главным образом комбинацией объективной и субъективной сторон. При совпадении признаков объективной стороны определяющим моментом выступает субъективная - направленность умысла виновного лица. Исходя из такого понимания, присвоение должно считаться окончанным с момента перемещения самим виновным вверенного ему имущества с охраняемой территории при наличии умысла на обращение его в свою пользу.

Растрата же должна считаться оконченной с момента передачи (отчуждения) вверенного имущества другому лицу, если умысел направлен именно на это. Но при растрате непотребляемого статического имущества возникает своеобразная коллизия. С одной стороны, хищение считается окончанным с момента перемещения имущества с охраняемой территории, с другой - растрата должна считаться оконченной, по общему правилу, с момента отчуждения (передачи) материальных ценностей другому лицу, если умысел был направлен именно на это.

Действительно, несмотря на относительную разработанность понятий присвоения и растраты, при более внимательном сопоставлении и сравнении их признаков с основными признаками общего понятия хищения, прослеживается некоторое несоответствие между ними.

При краже, грабеже, мошенничестве изъятие и завладение строго отделены от присвоения имущества в его общеупотребительном значении. Перечисленные преступления совершаются с целью присвоения и окончены с момента фактического завладения имуществом, само же присвоение лежит за пределами составов этих преступлений. Поэтому для признания их окончанными преступлениями не нужно, чтобы виновное лицо воспользовалось похищенным имуществом.

На основании изложенного можно сделать вывод, если бы законодатель ответственность за присвоение предусмотрел бы в части первой, а за растрату - в ч.2 ст.171 УК с чуть более строгой санкцией. Вот тогда бы и возникла острая необходимость у практических работников ограничивать присвоение от растраты. Тогда и законодатель стал бы более внимательно относиться к предложениям представителей уголовно-правовой науки о совершенствовании уголовного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Хакимов И.Х. Указ. раб. - С.55; Ма-тышевский П.С. Указ. раб. - С.72; Ляпунов Ю. Разграничение присвоения и растраты социалистического имущества //Советская юстиция. -1984. N 1. - С.13-16 и др.
2. См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. - М.,1981. -4.2. - С.159-161.
3. См.: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. -М., 2000. - С.194, 196.
4. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. - М.: Юрид. литература, 1974. - С.174-175.

5. Макарь И.М. Охрана социалистического имущества. - Кишинев, 1978. - С.12.
6. Кочои С.М. Указ. раб. - С.194.
7. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. -М.: ЮрИнфоР, 1997. - С.83.
8. Ляпунов Ю.И. Указ. раб. - С.14; Он же. Корыстные правонарушения нетерпимы. - М.,1989. - С.56.
9. Тропин С.А. Указ. раб. - С.24.